

УДК 821.161.1-31

А.П. Елисеенко

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Б. САДОВСКОГО: ОТ ЧЕРНОСОТЕНСТВА ДО БОЛЬШЕВИЗМА

В начале 1910-х годов вследствие революционных восстаний и изменений во внешней и внутренней политике государства вопрос о целостности страны и государственном строе стал объектом многочисленных дискуссий в литературных кругах. В этот период начинается расцвет литературной деятельности молодого поэта, писателя и литературного критика Б. Садовского (1881–1952), чье имя было незаслуженно забыто, и только благодаря усилиям исследователей (С.В. Шумихина, Т.В. Анчуговой, Ю.А. Изумрудова и др.) наследие Б. Садовского входит в научный оборот. Целью нашей статьи является изучение общественно-политических взглядов литератора в дореволюционный период. Особенное внимание уделено проблеме черносотенства, причастность к которому считалась неприемлемой в кругу интеллигенции и, в случае разоблачения и подтверждения, могла негативно повлиять на литературную деятельность автора, навсегда лишив писателя возможности печататься в «уважаемых» журналах. В нашем исследовании впервые предпринимается попытка рассмотреть литературную деятельность Б. Садовского под таким углом. В современном литературоведении (в статьях и монографиях В. Варжапетян, В. Кожина, Е. Беня и др.), лишь отчасти упоминается о возможном участии Б. Садовского в черносотенном движении.

Несмотря на то, что Б. Садовской не состоял в какой-либо политической партии, современники знали о его монархических воззрениях. Так, например, 19 июня 1912 г. он писал А. Блоку: «признаюсь Вам откровенно: за мое короткое пребывание в высоколиберальном “Современнике”, в самой гуще “борцов и стражей” свободы, я не мог не поправаться в самом определенном смысле <...>. В общем же чувствую себя занесшим ногу на какой-то невидимый и неизвестный

берег» [6, с. 311]. В мае 1913 года Вл. Ходасевич, втайне сообщая Б. Садовскому о своем намерении писать об императоре Павле, отмечал: «Затеял я нечто: оно может мне принести: 1. удовольствие работы, 2. монеты и 3. печальную славу черносотенца, вроде Вашей» [1, с. 235].

Многие современники подозревали о связях Б. Садовского с черносотенцами. Как отмечает современный историк В. Кожин в книге «Черносотенцы и революция», «идеология “черносотенства” всецело основывалась на безусловной, так сказать, врожденной православной Вере, еще сохранявшейся к началу XX века в душах миллионов русских людей; подлинный монархизм и немыслим без Веры, ибо монарх должен представлять как “помазанник Божий”, находящийся на троне по Высшей (а не человеческой) воле» [5, с. 14]. Подобные мысли высказывал и Б. Садовской: «Завтра – Священный день Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора Николая II Александровича. Я горжусь тем, что нахожусь под властью самодержца, а не паршивого королишки, который слова не может пикнуть без согласия своего рейхстага или парламента, дающего ему средства на жизнь; не под властью взбалмошной республики, глупейшего государства в мире, а САМОДЕРЖЦА, помазанника Божия, отцы, деды и прадеды которого властвовали также над нашими предками» [8, с. 174].

Как справедливо утверждает В. Кожин, в числе черносотенцев были многие выдающиеся деятели церкви, государства и культуры. Многие из них не являлись официально членами черносотенных организаций, часто даже отмежевывались от них, однако «если “примерять” взгляды и настроения этих людей к имевшимся в то время налицо партиям и политическим движениям, становится совершенно ясно, что единственно близким им было именно и только “черносотенство”, и их противники вполне обоснованно не раз заявляли об этом» [5, с. 35-36]. Так, многочисленные высказывания Б. Садовского в его произведениях являются косвенным подтверждением принадлежности писателя к черносотенству.

Б. Садовской был близко знаком с членом Главного совета «Союза русского народа», «Русского собрания», с одним из виднейших черносотенных деятелей начала XX века Б.В. Никольским. С.В. Шумихин, ссылаясь на переписку Б. Садовского и А.А. Кондратьева, утверждал, что они познакомились благодаря А.А. Кондратьеву, который в 1912 году служил секретарем в канцелярии Государственной думы [11, с. 341].

Сначала писателей сближал интерес к творчеству А. Фета, наследие которого, по их мнению, было недостаточно изучено и оценено современниками. Вскоре после знакомства Б. Садовской писал отцу в Нижний Новгород: «Был у знаменитого Бориса Никольского – по поводу Фета – и он обещал мне полное содействие; в сравнении с его коллекцией фетовских рукописей, черногубовская гроша не стоит. У Никольского – огромная квартира, на столе портреты великих князей с подписями, визитные карточки министров, библиотека в 25000 томов (четыре комнаты). <...> Подарил мне свои издания – есть очень любопытные» [11, с. 344]. В этом письме Б. Садовской упоминает Н.Н. Черногубова, хранителя Третьяковской галереи, который много лет собирал и хранил рукописи А. Фета.

Осознавая общественно-политическую позицию Б. Никольского, Б. Садовской стремился сохранить их личное общение и переписку в тайне. Однако об их связи стало известно вследствие одного инцидента, связанного с А. Тиняковым (псевдоним Одинокий), который вначале 1910 годов находился под покровительством Б. Садовского и был сотрудником многих журналов и газет («Весы», «Аполлон», «Золотое руно» и др.). Как писал Г. Иванов в «Петербургских зимах», при Б. Садовском А. Тиняков был «не то камердинером, не то адъютантом» [4, с. 345], выполняя различные его поручения. А. Тиняков вел разгульный образ жизни, часто устраивал драки в общественных местах, находясь под воздействием алкоголя. Он постоянно был в затруднительном финансовом положении, одалживал деньги и вещи у своих знакомых.

Зная о радикальных взглядах А. Тинякова, Б. Садовской в 1913 г. познакомил его с Б. Никольским. Под разными псевдонимами

(Куликовский, Чернохлебов и др.) А. Тиняков сотрудничал с газетой «Земщина», где помещал антисемитские статьи, что, в случае разоблачения, неминуемо привело бы к осуждению в литературных кругах. Б. Садовской писал А. Тинякову: «Вы хоть бы написали мне что ли о Ваших новостях и о чепухе литературной, дорогой Еврею Мережкович. Как у Вас в учреждении, все ли благополучно? Как поживает Алекс. Ив. Куликовский и Ив. Ал. Чернохлебов? Вообще хотелось бы узнать новости» [3, с. 27]. Подготовленные статьи для «Земщины» читали и Б. Садовской, и Б. Никольский. В письме к Б. Садовскому от 26 сентября 1913 г. он писал: «Многоуважаемый Борис Александрович, прилагаю статью Тинякова, смелую и симптоматичную, с двумя моими замечаниями карандашом. Оба места легко переделать. Во всем остальном заявить ничего не имею. Очень буду рад видеть у себя Тинякова. Захватите его как-нибудь с собою. Может быть, вместе с ним подумаете о нашем разговоре касательно единения правых» [11, с. 348].

А. Тиняков уже вначале литературной карьеры отличался беспринципностью. Под разными псевдонимами он мог сотрудничать как с либеральными, так и с право-радикальными изданиями, как с кадетской «Речью», так и с черносотенной «Земщиной». Отсутствие четкой политической позиции стало причиной отказа многих издательств от публикаций его статей и заметок. Две статьи, помещенные в «Земщине», касались «Дела Бейлиса» и были опубликованы А. Тиняковым 4 и 26 октября 1913 г. под псевдонимом А. Куликовский. Речь шла о том, что двенадцатилетний русский мальчик Андрей Ющинский якобы стал жертвой ритуального убийства, которое совершили евреи, в частности, Мендель Бейлис. Вторая статья под названием «Дело Бейлиса» также была пропитана антисемитскими настроениями.

В 1915 г. о сотрудничестве А. Тинякова с «Земщиной» стало известно, что привело к конфликту между Б. Садовским и А. Тиняковым. Причиной стала негативная рецензия А. Тинякова на книгу статей Б. Садовского «Озимь» (1915). Б. Садовской, в свою очередь,

рассказал о сотрудничестве А. Тинякова в «Земщине», скрыв, однако, поддержку, которую он оказывал.

Спустя несколько месяцев вышла в свет неодобрительная рецензия А. Тинякова на сборник рассказов Б. Садовского «Адмиралтейская игла». Б. Садовской, по-видимому, желая отплатить ему тем же, под псевдонимом Б. Борисов поместил в марте 1916 г. в одиннадцатом номере «Журнала журналов» стихотворный фельетон на А. Тинякова под названием «Литературные типы. История одинокого человека»:

Он в годы юности далекой
Был одинокий, одинокий.
Аскетом жил в уединеньи
И сочинял стихотворенья.
Потом в литературу вытек
И стал многообразный критик.
Сотрудничал везде и всюду,
Имея псевдонимов грудю.
Был то Кульковской, то Чинаров,
То Белохлебов, то Матаров.
Писал в “Печи” об идеале,
А в “Немщине” о ритуале,
Здесь был за Бейлиса горою,
Там Чеберячку звал сестрою.
Но “явным будет все, что тайно” –
Открылась истина случайно.
Пошли намеки, слухи, речи,
И критик вылетел из “Печи”.
Пришлось и с “Немщиной” расстаться
И в безработные вписаться.
Теперь он снова одинокий.
О, род людской! О, род жестокий! [3, с. 28].

Читатели смогли догадаться, что под «Печью» подразумевается «Речь», а под «Немщиной» – «Земщина», и, таким образом, автор

антисемитских статей, которые публиковались под псевдонимами Куликовский, Немакаров, Чернохлебов, был разоблачен.

Вскоре А. Тиняков поместил в «Журнале журналов» (№13, 1916 г.) статью под названием «Исповедь антисемита», в которой обвинил Б. Садовского и Б. Никольского в том, что якобы они уговорили его отдать статью об убийстве Андрея Ющинского в «Земщину». А. Тиняков утверждал, что фельетон под псевдонимом Б. Борисов принадлежал, бесспорно, Б. Садовскому, и, учитывая его содействие и последствия «изгнания» в литературных кругах, предлагал записаться им вместе в «безработные» [3, с. 30], так как и работали они отчасти вместе.

Б. Садовской был крайне обеспокоен тем, что его имя связали с «Земщиной». Он писал отцу о неправдивой статье в «Журнале журналов» и отмечал, что эта клевета уже обнаружена. 17 марта 1916 г. он даже поместил в «Биржевых Ведомостях» «Письмо в редакцию», в котором писал: «Прошу уважаемую редакцию “Биржевых Ведомостей” не отказать мне в помещении следующего письма: В №13 “Журнала журналов” находится заметка г. А. Тинякова “Исповедь антисемита”, в коей говорится, что я имел какое-то касательство к статье г. Тинякова, напечатанной в “Земщине” в 1913 г. По этому поводу считаю нужным заявить, что я никогда никакого отношения к “Земщине” не имел. Что касается “правого” профессора Н., упомянутого в заметке, то я, действительно, знаком с одним “правым” профессором, но с ним сблизился исключительно на почве долговременного изучения поэта-классика, рукописями которого этот профессор владеет» [3, с. 31].

Сохранилось письмо В. Ходасевича к Б. Садовскому от 22 апреля 1916 г., в котором речь идет о конфликте между А. Тиняковым и Б. Садовским. Из письма становится очевидным, насколько серьезными могли оказаться последствия конфликта для обоих писателей, и как важно для Б. Садовского было оправдаться перед современниками. В. Ходасевич писал: «Если Вам, как заключаю по письму Вашему, не безразлично мое мнение о Тиняковской истории, то вот оно в коротких словах. Тиняков – паразит, не в бранном, а в точном

смысле слова. Бывают такие паразитные растения, не только животные. На моем веку он обвивался вокруг Нины Петровской, Брюсова, Сологуба, Чацкой, Мережковских и, вероятно, еще разных лиц. Прибавим сюда и нас с Вами. Он был эсэром, когда я с ним познакомился, в начале 1905 г. потом был правым по Брюсову, потом черносотенцем, потом благородным прогрессистом, потом опять черносотенцем, (уход из Северных записок), потом кадетом (Речь). Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. <...> Теперь о Вас. “Исповедь” я видал. Вашего возражения не видел, но слышал о нем как раз от Гершензона, которому я на основании “исповеди” высказал предположение, что Вы действительно водили Тинякова к Борису Никольскому. Г<ершензон> и с моим предположением согласился и сказал, что оно подтверждается и вашим опровержением в “Бирж.”, тем местом, где говорится о Фете. Думаю, с Вашей стороны не хорошо было 1) поощрять трусливое, тайное черносотенство Т-ва и 2) так или иначе способствовать снабжению “Земщины” каким бы то ни было материалом. Это нехорошо, из песни слов не выкинешь. Оправдывал я Вас тем, что многое, помоему, Вы делаете “так себе”, а может быть и с беллетристическим и ядовитым желанием поглядеть, “что будет”, понаблюдать того же Тинякова, ради наблюдения мятущейся души человеческой. Правда, это немножко провокация, но почему-то не хочется (а не нельзя) судить Вас строго» [10, с. 355-356]. В. Ходасевич, таким образом, прекрасно понял позицию Б. Садовского, стремившегося скрывать свои низменные представления и негодовавшего от того, что они стали известны.

Своеобразным «маркером» политических взглядов являлись газеты и журналы, в которых издавали свои произведения писатели и поэты. Опубликовав их в крайне правых, реакционных изданиях, можно было потерять место во многих других либеральных журналах и газетах и, тем самым, испортить репутацию в литературных кругах. В январе 1913 года Вл. Ходасевич обращался за советом к Б. Садовскому, в связи с возможностью финансово улучшить свое положение, опубликовав рассказы в общественно-политической

газете «Голос Москвы», которая поддерживала царскую политику, выступала против революционеров и призывала к вступлению в Первую мировую войну. Издав в ней свои произведения, Вл. Ходасевич мог испортить отношения с «Русской молвой», выражающей идеи прогрессистов и правых кадетов. В 1912 году Б. Садовской заведовал литературным отделом в «Русской молвы».

Вскоре Б. Садовской был вынужден покинуть этот журнал. В дневнике А. Блока за январь 1913 года есть следующая запись: «Садовского выгнали из “Русской молвы”, но он относится к этому добродушно – есть Чацкина –издатель «Северных записок», в котором продолжает публиковаться Б. Садовской. Спустя несколько дней в дневнике А. Блока появляется следующая запись: «Хорошо, что Садовского выгнали, – он не умеет, многого не понимает» [2, с. 206-207].

Несмотря на значительные литературные успехи, Б. Садовской постепенно приходит к убеждению, что им был выбран неверный путь и были расставлены ложные приоритеты. В 1912 году он пишет в дневнике: «Надо, надо мне учиться, учиться и учиться. Я круглый невежда, если дело так пойдет и дальше, мне придется играть назад <...>. Только бы отстояться, накопить здоровья, налиться медом жизни и вернуться к тем истокам, от которых я ушел более десяти лет назад» [7, с. 11]. В этот период значительно ухудшается состояние здоровья Б. Садовского, лечение спинной сухотки не приносит ожидаемых результатов. Находясь в таком сложном душевном и физическом состоянии, Б. Садовской предпринимает попытку переосмыслить свое отношение к русской литературе, в частности к творчеству В. Брюсова.

В 1915 году в разгар Первой Мировой войны он публикует сборник статей «Озимь». Из первых строк книги очевидны патриотизм и глубокая преданность писателя по отношению к монарху:

«Война еще не кончилась; она шумит и угрожает России. Но явный вздох облегчения пронесся над нами в Ильин день 1914 года; с черных, ужасом выющих крыльев смерти пролились на родную землю благодетельно-возрождающие слезы. Заря светлеет надеждою и гордым восторгом пылает сердце» [9, с. 7]. Б. Садовской упоминает

Манифест Николая II от 20 июня (1 августа) 1914 года, в котором было объявлено о вступлении Российской империи в войну с Германией и ее союзникам. С особым патриотическим восторгом Б. Садовской ссылается на стихотворение И.Я. Полонского, отмечая особую роль писателя, способного отразить происходящее в государстве и мире на страницах своих произведений:

«Писатель, если только он
Волна, а океан Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.

Но у писателя единственный меч – перо, а поле битвы его – бумага. События жизни преломляются в его глазах чрез литературную призму. Поэтому, говоря о современности, он говорит неизбежно о литературе» [9, с. 7].

Накануне революции Б. Садовской находился в крайне сложном физическом и душевном состоянии. В. Ходасевич вспоминал о нем: «Вдребезги больной, едва передвигающий ноги, обутое в валенки (башмаков уж не мог носить), поминутно оступающийся, падающий, Садовской увел меня в едва освещенный угол пустой столовой, сел за длинный, дубовый, ничем не покрытый стол – и под звуки какой-то “Катеньки”, доносящейся из зрительного зала, – заговорил. С болью, с отчаянием говорил о войне, со злобной ненавистью – о Николае II. И заплакал, а плачущий Садовской – не легкое и не частое зрелище. Потом утер слезы, поглядел на меня и сказал с улыбкой: – Это все вы Россию сгубили, проклятые либералы. Ну, да уж Бог с вами» [10, с. 328].

Как и Б. Никольский, со временем Б. Садовской предпринимает попытку оценить произошедшее в государстве и мире. В дневнике 1931 года он писал: «Сейчас только люди моего возраста и старше могут как следует понимать старую Россию. Я пережил исторический перелом небывалой, невообразимой широты и силы. Я ездил в чичиковской бричке, останавливался в тех же гостиницах, на тех же станциях, что и Гоголь, едал те же блюда, видел те же вывески, слышал те же речи. Конец 1-го тома “Мертвых душ” для меня живая,

близкая современность. И я же застаю аэропланы. Первые автомобили, кинематографы – все это появлялось одно за другим на моих глазах. Мечтать поэтому о возрождении России так же глупо, как надеяться на восстановление древней Греции. Люди теперь из другого теста, с другой душой. Им не жалко ломать наши святыни, т.к. колокольный звон для них ничего не говорит, а Гоголь скучен. Дети спрашивают старших: что значит “Христос Воскрес” – не по-французски ли это?» [8, с. 175].

Как и его близкий друг, он примирился с большевистским режимом, о чем свидетельствуют следующие дневниковые записи: «Честь и хвала большевикам. Как вспомнишь эпоху 1905–1914 гг. – всю брюсовско-милюковскую, сологубовско-аверченковскую гниль и пошлость, сплошной “бобок”, журналы и газеты вроде “Русского богатства” и “Речи”, цинизм сверху и хамство внизу, вырождение и оподление – хочется сказать с поклоном: спасибо, милые люди! Правда, вы поступили по пословице: осердясь на вшей, шубу в печь – но черт с ней и с шубой, коль ее все равно нельзя было носить» [8, с. 177]; «Количество зла в мире всегда одинаково и сказывается так или иначе. Не стало крепостного права – явилось 1 марта (1 марта 1881 года убит народовольцами Александр II – А.Е.). Еще вопрос, которое из двух зол ужаснее. Наши либералы видели зло в самодержавии, теперь они видят его в большевизме. А в сущности определение “зла” тут неуместно. При всяком политическом строе, независимо от него, количество мирового зла, вечно одно и то же, должно высказаться, и оно высказывается в той или иной форме. Слава Богу, что кончилось большевизмом, а не Керенским. Подлее и гаже этого типа, гнуснее его эпохи (февр.-окт. 17) не было в русской истории» [8, с. 180].

Таким образом, общественно-политические взгляды Б. Садовско-го претерпевали изменения вследствие изменений в государственном устройстве страны. Будучи монархистом в дореволюционный период, Б. Садовской стремился предупредить современников об опасности столь кардинальных преобразований. Воззрения писателя были близки идеям черносотенства. Несмотря на то, что прямых

доказательств его связи с черносотенными организациями нет, известно о тесной дружбе Б. Садовского с одним из виднейших черносотенных деятелей – Б. Никольским. Доказано содействие писателя в публикации статей А. Тинякова в «Речи» и «Земщине». Непримируемое отношение к новейшим литературным течениям, в частности, к футуризму, было расценено современниками как попытка отмежеваться от идей и воззрений символистов.

Литература

1. Бенья Е. Материалы к творческой биографии Вл. Ходасевича. Вопросы литературы. 1987. №9. С. 235—240.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.–Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7: Автобиография 1915. Дневники 1901–1921. 546 с.
3. Варжапетян В. «Исповедь антисемита», или К истории одной статьи. Повесть в документах. Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 12—37.
4. Иванов Г.В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М.: Книга, 1898.
5. Кожин В. Черносотенцы и революция. М.: Алгоритм, 2016. 304 с.
6. Переписка Блока с Б.А. Садовским. Литературное наследие. 1981. Кн. 2. С. 309—314.
7. Садовской Б. «Весы» (Воспоминания сотрудника). Минувшее: Исторический альманах. 1993.
8. Садовской Б. Заметки. Дневник (1931–1934). Знамя. 1992. № 7. С. 172—194.
9. Садовской Б. Озимь: статьи о русской поэзии. Пг.: Сириус, 1915.
10. Ходасевич В. Некрополь. Литература и власть. Письма к Б.А. Садовскому. М.: СС. 1996. 464 с.
11. Шумихин С.В. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому 1913–1918. Звенья. 1992. №2. С. 340—377.

References

1. Benya, Ye. Materialy k tvorcheskoy biografii Vl. Khodasevicha [Materials to the work biography of Vl. Khodasevich]. Voprosy literatury 9 (1987): 235-240.
2. Blok, Aleksandr. Sobranie sochineniy: v 8 t. T. 7 : Avtobiografiya 1915. Dnevnik 1901-1921 [Autobiography 1915. Diaries 1901-1921]. Moscow, 1963.
3. Varzhapetyan, V. «Isproved antisemita», ili K istorii odnoy stati. Povest v dokumentakh [Confession of the anti-Semite, or to the story of one article. The story in documents]. Literaturnoe obozrenie 1(1992): 12-37.

4. Ivanov, Georgiy. Stikhotvoreniya. Tretiy Rim. Peterburgskie zimy. Kitayskie teni [Poems, the Third Rome. Petersburg winters. Chinese shadows]. Moscow, 1898.
5. Kozhinov, Vadim. Chernosotentsy i revolyutsiya [Black hundreds and revolution]. Moscow, 2016.
6. Perepiska Bloka s B.A. Sadovskim [Correspondence of Blok and Sadovskoy] Literaturnoe nasledie 2 (1981): 309-314.
7. Sadovskoy, Boris. «Vesy» (Vospominaniya sotrudnika) [“Scales” (The remembrance of the worker)]. Minuvshee: Istoricheskiy almanakh (1993).
8. Sadovskoy, Boris. Zametki. Dnevnik (1931-1934) [Notes. Diaries (1931-1934)]. Znanya 7 (1992): 172-194.
9. Sadovskoy, Boris. Ozim: stati o russkoy poezii [Ozim: articles about Russian poetry]. Petrograd, 1915.
10. Khodasevich, V. Nekropol. Literatura i vlast. Pisma k B.A. Sadovskomu [Nekropol. Literature and power. Articles to B.A. Sadovskoy]. Moscow, 1996.
11. Shumikhin, S.V. Pisma B.V. Nikolskogo k B.A. Sadovskomu 1913-1918 [Letters of B.V. Nikolskiy to B.A. Sadovskoy 1913-1918]. Zvenya 2 (1992): 340-377.

Анотація

А.П. Єлісєнко. Суспільно-політичні погляди Б. Садовського: від чорносотенства до більшовизму

У перші десятиліття XX століття внаслідок революційних повстань і змін у зовнішній і внутрішній політиці держави питання про цілісність країни і державний устрій стало об'єктом численних дискусій в літературних колах. У цей період починається розквіт літературної діяльності молодого поета, письменника і літературного критика Б. Садовського (1881–1952), чие ім'я було незаслужено забуто і тільки завдяки зусиллям сучасних дослідників його спадщина входить в науковий обіг.

Суспільно-політичні погляди Б. Садовського змінювались внаслідок змін в державному устрої країни. Будучи монархістом в дореволюційний період, Б. Садовський прагнув попередити сучасників про небезпеку таких кардинальних перетворень. Метою нашої статті є вивчення суспільно-політичних поглядів літератора в дореволюційний період. Особливу увагу приділено проблемі чорносотенства, причетність до якої вважалася неприйнятною в колі інтелігенції і, в разі викриття і підтвердження, могла негативно вплинути на літературну діяльність автора, назавжди позбавивши письменника можливості друкуватися в «поважних» журналах. Погляди письменника були близькі ідеям чорносотенства. Незважаючи на те, що прямих

доказів його зв'язку з чорносотенними організаціями немає, дослідникам відомо про тісну дружбу Б. Садовського з одним з найвизначніших чорносотенних діячів – Б. Нікольським. Також доведено сприяння письменника в публікації статей А. Тинякова в «Речі» і «Земщині». Непримиренне ставлення до новітніх літературних течій, зокрема, до футуризму, було також розцінено сучасниками як спроба відмежуватися від ідей і поглядів символістів. Наприкінці своєї літературної кар'єри він визнав, що режим більшовизму був таким, який заслуговувала його країна. Здебільшого це відмічено у щоденниках та листах до друзів.

Ключові слова: Садовської, чорносотенство, Нікольський, символізм, Тиняков.

Аннотация

А.П. Елисеенко. Общественно-политические взгляды Б. Садовского: от черносотенства до большевизма

В первые десятилетия XX века вследствие революционных восстаний и изменений во внешней и внутренней политике государства вопрос о целостности страны и государственном строе стал объектом многочисленных дискуссий в литературных кругах. В этот период начинается расцвет литературной деятельности молодого поэта, писателя и литературного критика Б. Садовского (1881–1952), чье имя было незаслуженно забыто и только благодаря усилиям современных исследователей его наследие входит в научный оборот.

Общественно-политические взгляды Б. Садовского претерпевали изменения вследствие изменений в государственном устройстве страны. Будучи монархистом в дореволюционный период, Б. Садовской стремился предупредить современников об опасности столь кардинальных преобразований. Целью нашей статьи является изучение общественно-политических взглядов литератора в дореволюционный период. Особенное внимание уделено проблеме черносотенства, причастность к которой считалась неприемлемой в кругу интеллигенции и, в случае разоблачения и подтверждения, могла негативно повлиять на литературную деятельность автора, навсегда лишив писателя возможности печататься в «уважаемых» журналах. Воззрения писателя были близки идеям черносотенства. Несмотря на то, что прямых доказательств его связи с черносотенными организациями нет, исследователям известно о тесной дружбе Б. Садовского с одним из виднейших черносотенных деятелей – Б. Никольским. Также доказано содействие писателя в публикации статей А. Тинякова в «Речи» и «Земщине». Непримиримое отношение к новейшим литературным течениям, в частности, к футуризму, было также расценено современниками как попытка отмежеваться от идей

и воззрений символистов. В конце своей литературной карьеры он признал, что режим большевизма был таким, который заслуживала его страна. В основном это отмечено в дневниках и письмах к друзьям.

Ключевые слова: Садовской, черносотенство, Никольский, символизм, Тиняков.

Summary

A.P. Ieliseienko. Social and Political Views of B. Sadovskoy: from the Black Hundreds to Bolshevism

In the first decades of the 20th century, as a result of revolutionary uprisings and changes in the foreign and domestic policy of the state, the question of the integrity of the country and the state system became the subject of numerous discussions in literary circles. During this period the literary activity of the young poet, writer and literary critic B. Sadovskoy (1881–1952) began to flourish. His name was undeservedly forgotten and only thanks to the efforts of modern scholars it is included in the scientific work again.

Social and political views of B. Sadovskoy changed radically during the time when Russia underwent historical changes. Being a monarchist in the pre-revolutionary period, B. Sadovskoy attempted to warn contemporaries concerning the danger of cardinal transformations. The aim of our article is to study the social and political views of the writer in the pre-revolutionary period. Particular attention is paid to the problem of the Black Hundreds, involvement in which was considered unacceptable among the intelligentsia and, if exposed and confirmed, could negatively affect the author's literary activity depriving the writer of the opportunity to publish in "respected" journals.

The views of B. Sadovskoy were close to the ideas of the Black Hundreds. Despite the fact that there is no direct evidence of his connection with the Black Hundred organizations, researchers are aware of his close friendship with one of the most prominent Black-Hundred representative – B. Nikolsky. The writer's assistance in publishing articles by A. Tinyakov in the journals "Rech" and "Zemshchina" was also proved. An irreconcilable attitude to the latest literary movements, in particular, to futurism was also considered by contemporaries as an attempt to dissociate himself from the ideas and views of the Symbolists. At the end of his literary career he acknowledged that bolshevism regime was the one that his country deserved. Mostly he wrote about that in his diaries and in letters to his friends.

Key words: Sadovsky, Black Hundreds, Nikolsky, Symbolism, Tinyakov.

Інформація про автора

Єлісеєнко Анна Павлівна – кандидат філологічних наук, старший викладач, завідувач кафедри іноземних мов Харківської державної зооветеринарної академії; пр. Енергетиків, 6, м. Дергачі, Харківська обл., 62300, Україна; e-mail: anna_eliseienko@ukr.net; <http://orcid.org/0000-0001-9165-7304>